

Александр Дж. Уайт

Кристина. Рождение легенды

“Christine begins”

Рассказ основан на произведении Стивена Кинга.

Окружение уже потихоньку начинало порастать сумерками. Последние лучи сентябрьского солнца мерно сползали с верхушек деревьев и растворялись в помутневшей синеве небосвода, словно последние блики жизни, все больше пожираемые мистической чернотой. Вероника взглянула во двор и неожиданно улыбка на ее лице ослабела. А внутри возникло какое-то неуклюжее, волнующее тепло, которое медленно стало подниматься к горлу. В ее доверчивых голубых глазах, бросивших короткий взгляд на Роланда, возник прилив интереса. Во дворе, на газоне, стояла машина. «Кадиллак» был красно-белого цвета, и почему-то именно такая раскраска придавала приобретению Роланда Лебэя обжигающего шарма.

- Что это? – в голосе Вероники прощупывался еле узнаваемый конфуз – такой, который всегда появлялся сам собой, когда она либо волновалась, либо радовалась. Или же когда пыталась кого-нибудь утихомирить или пристыдить, что почти всегда делала мягким, гуманным тоном.

- Кристина. – Роланд отвечал с каким-то старческим воодушевлением, которое обычно наблюдается у тех, кого более не интересует окружающий мир, поскольку они, в конце концов, получили то, к чему шагали через весь этот мир долгое и долгое время. На губах мужчины играла открытая улыбка.

- Я имела ввиду... - миссис Лебэй приподняла брови. – Ну да ладно. А почему именно Кристина? То есть – почему именно это имя? К тому же – оно ведь женское?

Уголки губ мужчины поползли еще выше, глаза немного сузились, породив хитрецу.

- Ты помнишь старый сериал «Край ночи» ?

- Угу. – Вероника изучающе всматривалась в автомобиль, когда они шли по асфальтовой дорожке, огромная тропинка от которой отходила к гаражу.

- Так вот, там один букинист, бывший вояка, ездил на «Мустанге макс». Он назвал свою железную красотку Кристиной, и она потом до конца дней его приносила ему удачу...

Он помолчал.

- Что касается нашего автомобиля - я все не мог решить, что брать. Мысли носились между «Плимутом», «Доджем» и «Фордом», так как обожаю все три марки. Но сегодня, когда отправился в контору Норманна Кобба и узнал, что он может перекрасить для меня покупаемый у него транспорт в любой цвет, то понял, что «Плимут» - это мечта всей моей жизни. Красно-белый «Плимут» - с расцветкой следующего года... Хотя, признаться по правде, теперь я ездил бы и на обычном...

Рони не видела подобного блеска в глазах мужа, не ощущала взволнованности в его голосе с тех пор, как в пятьдесят третьем году он вернулся из Кореи и впервые поднял на руки Риту, их маленькую дочурку, не отпуская ее потом всю оставшуюся часть дня. У Роланда Лебэя была давняя мечта, которую он собирался осуществить, однако никак не мог собрать достаточную сумму денег для ее реализации. И вот недавно он поделился радостью с Вероникой (которая, естественно, ведала обо всех его слабостях, в том числе и страсти к механике и автомобилям), что уже совсем близок тот день, когда они смогут

иметь собственную машину. Выходя с ним из дома теперь, она предугадывала причину его радости... Однако хотела убедиться; желала увидеть собственными глазами то, что заставило его влететь в дом и обнять ее. Такие волнующие переживания Роланда, особенно до рождения Риты, случались сравнительно не часто, и Вероника считала позитивное «забыть» своего Ролли за посланное Богом чудо. Это действительно было так: именно в такие дни она чувствовала себя немного по-другому, мироощущение начинало перекачиваться в ярких тонах, отголоски мрачного военного прошлого Ролли отступали... Она понимала, что искренне любит мужа, несмотря ни на что. Любит, воспринимая его таким, какой он есть...

Когда они подошли к машине, Роланд с восхищением оперся на капот ладонями. Затем взглянул на женщину и сострепал подобие выразительно-хващливой гримасы, как бы говоря: «Вот так вот. Теперь она принадлежит мне». Он провел пальцами по серебристо-белой поверхности крыши Кристины, а затем медленно обошел вокруг, казалось, ощупывая взглядом каждую отдельную деталь кузова, изгиб колес. Положил руку на капот, бережно прошелся ею по сияющей первобытной новизной, почти зеркальной, поверхности. Затем, вопреки всем принципам лояльности, нагнулся и приложил к автомобилю губы. Хотя этот жест почти не представлял собой ничего зазорного или бесстыдного, улыбка на лице Вероники погасла окончательно. А на смену ей в сердце холодной каплей просочилась какая-то настороженность... Но стоило ей нарисовать в своей голове образ Ролли – извращенца, пристающего к всякому там транспорту, или что-то в этом духе, с ее губ слетел еле слышный смешок. Роланд же воззрился на «лицо» Кристины, где находились фары, а также передний бампер и радиаторная решетка, сверкающие хромом. Он деловито и благоговейно вслух предложил машине стать членом его... их с Вероникой и Ритой семьи, словно какой-нибудь своей одушевленной давней знакомой, в один прекрасный день решившей поселиться в его доме. Его жена смотрела на него со скрытой иронией. Кристина же стояла на траве и будто бы наблюдала... за Вероникой, чтобы отметить ее реакцию на заигрывания Роланда со своей новой «подругой».

До того, как Лебэй приобрел «Плимут», они с семьей частенько в выходные дни выезжали к различным торговцам автомобилями Либертивилла. Роланд брал напрокат какой-нибудь заезженный «Хорнет» и пока Рони читала Рите книгу, сидя в автомобиле, он заходил в магазины, гаражи, мастерские и разговаривал с посетителями о лошадиных силах, форсунках, топливных и воздушных фильтрах, топливных насосах и многом другом. Еще пребывая на недавней службе в армии, он проявлял себя превосходным механиком и помогал поддерживать в рабочем состоянии всю старую никудышную технику, выделяемую конгрессом. Собственного автомобиля у Роланда, можно сказать, не было вплоть до 1957 года, когда «Плимут-фурия» был признан лучшей моделью года. Лишь в конце Второй мировой войны Лебэй приобрел старый поржавевший «шеви», от которого, впрочем, очень скоро избавился – не прошло и месяца. Пока не появилась Кристина, он перебивался тем, что брал транспорт напрокат. В основном – по самой низкой цене. И вот, когда в начале 1957 – го Роланд демобилизовался (он надорвал спину, и был признан более непригодным для службы), у них с Вероникой, которая почти всю жизнь работала зубным врачом, было отложено почти полторы тысячи долларов. Кроме того, он стал получать ощутимую пенсию за доблестную военную службу. Но даже после того, как он вышел на заслуженный отдых, не смог избавиться от любимой привычки копаться в механизмах. И поэтому практически сразу устроился на работу – начальником снабжения в одну известную автомастерскую квартала.

Спустя пару дней после того, как в жизни Лебзев появился автомобиль, Вероника получила письмо от сестры Роланда Марсии, в котором та сообщила, что собирается навеститься из Пенсильвании и проведать их. Рони в этот день рано вернулась из больницы и сразу же с конвертом в руках направилась к гаражу, так как он был открыт, и она подумала, что муж возится с машиной. Но Роланда здесь не оказалось, и Вероника вернулась в дом, оставив Кристину пребывать в просторной тишине узкого гаража. Женщина положила открытый конверт на стол в гостиной, переделалась и отправилась на кухню, чтобы приготовить ужин к возвращению мужа (может, он сегодня воспользовался служебным транспортом?).

Она лишь мельком взглянула в окно, но этого было достаточно для того, чтобы почувствовать, как сердце упало куда-то в бездонную пропасть... Ноги тут же словно бы приросли к линолеуму, не в силах больше сделать и шага. Воздух будто бы в один миг превратился в горячую массу, непригодную для жизни легких, а также для нормального ритма их работы. Горло Вероники пересохло, а ее крик раздался лишь у нее в голове, полностью заполняя сознание, словно бьющая из кухонного крана струя воды, которая в мгновение ока наполняет пустую банку. Вместе с очередным притоком крови в сердце грубо и резко ударил страх... Тот самый, парализующий, что теперь не позволил ни на секунду отвести взгляда от увиденного.

Там, за окном...

Это было похоже на кошмарное видение (скорее всего, это и было видение) – то, что находилось там, за кухонным окном, окруженным темно-оливковыми обоями. Буквально на ее глазах мир полностью изменился и превратился в нечто непонятное. Небо поменяло свой кристально-чистый голубой цвет на матово-красный. Дневной свет стал темно-малиновым, словно в каком-нибудь комиксе, порождая и предоставляя взгляду гротескную, смазанную, темную гравюру. Кроны дымчато-синих призрачных деревьев грубо раскачивал ветер. Но самое главное – на темно-лиловом газоне стоял автомобиль. Его густой, пурпурный силуэт резко и четко выделялся на фоне всего остального, как будто невидимый художник своей гигантской кистью извел немереное количество красок на машину, дабы заострить внимание зрителя в первую очередь на ней. Именно на ней... НА КРИСТИНЕ. Она стояла лицом к окну и глядела прямо на Веронику. Мощные двойные фары светились красновато-оранжевым огнем, наполненным неиссякающей яростью, силой и пугающей жизненной энергией. Она живет... Кристина. Она сама по себе. Это лишь только кажется, что она принадлежит тебе, на самом деле – все наоборот. Она стоит за окном и глядит. Терпеливо и выжидающе следит за каждым твоим шагом, движением. Она напоминает взбесившуюся собаку, которая, притаившись, пристально наблюдает за тобой своими болезненно-бессмысленными желтыми глазами, чтобы в следующее мгновение броситься на тебя и разорвать вклячья. Поблескивающая зеркальным серебром решетка радиатора напоминает приоткрытую скалящуюся пасть, усаженную острыми зубами. Из затемненного ветрового стекла исходит заполняющее пустую кабину сияние, которое с каждой секундой усиливается. «Плимут» не двигается, он просто стоит на месте – тихо и молча. Лишь мерно урчащий гул ветра различается на заднем фоне... Внезапно раздается громкий скрежет стартера, и вот уже двигатель чуть слышно рычит. Спустя десять секунд, мотор начинает работать рывками – громче, тише, громче, тише. Кристина потихоньку крадется к дому, словно дикое животное, сминая траву на гротескном газоне. Машина – единственное, что все время остается четким и непоколебимым в цветовом спектре пейзажа, во всей этой гамме жутких и мистических переливающихся друг в друга красок.

Она приближается. Трава шелестит под ее колесами – несмотря на слуховой барьер, это отчетливо слышно, как кое-что еще... Вероника готова поклясться – то, что она слышит, исходит именно с улицы, а не рождается галлюцинацией в сознании. Этот ледящий шепот похож на голос завывающего ветра, застрявшего в сливной трубе крыши дома. Шепот, словно заевшая пластинка, повторяющий одно и то же: «Третий лишний, дорогая. Третий всегда лишний. Ты это прекрасно знаешь – третий лишний... Меня освободил из заточения он – он теперь мой, и ничто не в силах нас разлучить»...

Осень в этом году пришла в Либертивилл точно в положенное время, без опозданий. Приветливый сентябрь еще позволял спастись днем от холода, а вечером – от жары, возвещая о том, что по – настоящему лютые холода уже пробуждаются где-то там, за горизонтом, чтобы в очередной раз начать свое шествие по планете. В небе огромной серебряной монетой висела луна, то и дело скрываемая облаками. Ночь черным липким туманом окутала шоссе, выпустив на свободу игривый ветерок, сразу же раскрепостившийся и отправившийся в свои путешествия по городу. В воздухе невидимыми облаками разгуливали запахи тлена и увядания, доносящиеся из глубин уже пожухлой природы. Роланд с легкостью и уверенностью крутил рулевое колесо. Передние фары Кристины, сочащиеся новизной, двумя длинными и мощными лучами света рассекали темноту. Двигатель глухо рокотал. Приборная доска светилась мистическими зелеными огоньками – словно из – под покрова темени пробивались признаки другой жизни, существующей невидимой антиномией где-то рядом.... Радиоприемник предоставлял в распоряжение слуха APS, средневолновую питсбургскую станцию, где Тони Уайлдер ровным профессиональным голосом исполнял песню «Ледяные сердца». Надвигался уик-энд. На следующей неделе должна приехать Марсия. Она уже давно собиралась погостить у брата и его семьи, особенно после того, как развелась с мужем. Ей очень хотелось взять на руки и прижать к себе свою маленькую племянницу, которая в следующем году должна пойти в первый класс. К тому же которую она крепко и бесконечно любила, потому что своих детей ей завести так и не довелось. В пятьдесят четвертом врачи поставили ей неутешительный диагноз – бесплодие. Собственно, поэтому Фред, муж, ее и бросил.

Марсия,
Джордж,
Давно умершие родители...

Роланда словно осенило. Его разум будто в какое-то мгновение вырвался из крепких оков небытия.

Если бы только можно было все исправить ... Перед глазами словно разноцветные кадры из забытого кинофильма, вопреки воле, рисуются обрывки далекого прошлого – забытого, мрачного и мутного; превратившегося в частички сновидений. А главное – все время норовящего прокрасться в сознание. И в этом прошлом Роланд представлялся себе в своей же памяти самым злобным человеком на свете. Если бы теперь он смог вернуться назад, через коридоры лет, он бы с радостью изничтожил этого отвратительного, злобного человека... искоренил бы его любыми способами. Того самого эгоиста, что однажды в четырнадцатилетнем возрасте столкнул с крыльца своего маленького брата Джорджа на острые металлические колья ограды, что окружала небольшую мамину клумбу с цветами,

и малыш насквозь проткнул себе руки, потеряв много крови и чуть не умерев. Искоренил бы того маленького преступника, который разбил лицо сестренке в порыве гнева и часто дрался с отцом при отсутствии серьезного повода. Да, если бы можно было все исправить... «Невозможно. Невозможно переделать свою судьбу. Но еще не поздно осчастливить своих близких. У тебя есть семья. И хоть тебе уже за пятьдесят, еще не поздно загладить старые ошибки. Не поздно – поверь...», - Роланд отчетливо слышал голос у себя в голове, произносящий все это. «Я люблю их. Они все, что у меня есть», - теперь он вздрогнул, так как последнее предложение резко сорвалось с его губ. И чтобы как-то подавить симптомы, очень похожие на проявление сумасшествия, мужчина кашлянул, тряхнул головой и попытался сменить радиоволну. Однако из этого ничего не вышло, и, упустив Джестер джампс, рассказывающих в своей композиции о нелегкой жизни популярных людей, Роланд больше ничего не нашел кроме усиливающих и затихающих бесконечных помех. Едва мысли Роланда о своей семье материализовались в слова, как у «Плимута» заглох мотор, и машина теперь катилась по инерции. Затем остановилась. «Только не это...» - пронеслось в уставшем сознании, пока рука рефлекторно поворачивала вправо ключ зажигания. Однако Кристина дальше двигаться отказывалась напрочь.

Дом Лебэев находился на Уокер-стрит, то есть на расстоянии двух миль от того места, где на главном шоссе Роланд безуспешно пытался завести автомобиль. Свет зажженных фар по-прежнему продолжал рассеивать черный субстрат окружения. Ветер, который немного усилился за последний час, продолжал учинять красно-желтые ночные хороводы из отмирающих, покладистых листьев.

Роланд вернулся домой на «Плимуте» задумчивый и непохожий на себя самого. Его лицо приобрело ватно-серый оттенок, осунулось. Создавалось впечатление, будто совсем недавно он перенес шок. В провалившихся глазах читалось смешанное чувство – жалость, тревога, ярость, обида. А еще – коварство и... какое-то смутно прорисовывающееся желание. Все запечатлелось в едином незатухающем огоньке. Этот огонек, казалось, сейчас, как никогда раньше, отражал в себе душу Роланда - именно такой, какая она у него ... (стала?)

- Машина. – Говорил он Веронике. – Она заглохла на дороге ни с того ни с сего и... Его взгляд неуклюже сполз с лица жены.

... Бессмертие, Роланд... Ты получишь его. Тебе больше не придется бояться того, чего ты не знаешь. Страх превратится в миф. Его не будет. Давай прокатимся, Роланд – ты и я. Просто прокатимся в очередной раз... И все будет по-новому.

-... и мне пришлось повозиться. – Закончил он, наконец, в замешательстве.

...Мы прокатимся, Роланд, и нас больше ничто не разлучит. Все мосты за нами уже разрушены.

- Ты не слышал новость о Норманне Коббе? – Вероника отвлекала внимание мужа, а сама грустно и тревожно глядела в его бледное лицо, где под глазами появились темные круги. – Вчера вечером он погиб в своей конторе во время пожара. Кроме того, сгорела вся его автомастерская вместе с магазином.

Роланд безразлично поглядел на жену, не проронив в ответ ни слова. Вероника прекрасно знала, что происходит. Раньше она лишь догадывалась – теперь знала. Знала наверняка...

С тех пор, как в их гараже появился «Плимут», их с Роландом жизнь стала резко меняться. Однако меняться не в лучшую сторону, как это было запланировано... Муж почти не появлялся дома, все время пропадал, как он говорил, на работе – хотя еще пару недель назад в мастерскую Уилла Дарнелла Роланд вообще выезжал раза три в неделю. Выезжал только для того, чтобы привезти или отвезти автоаксессуары и запчасти. Ведь после надрыва в армии врачи строго настрого запретили ему исполнять тяжелую работу и прописали постоянно носить лечебный пояс для укрепления спины. Но если раньше он возвращался домой часов в десять вечера и хотя бы разговаривал с Вероникой за ужином, а затем шел в спальню к Рите и, если та не спала, целовал ее перед сном, то за последние три-четыре дня он лишил свою семью даже этого. Его сердце словно превратилось в кусок льда. Все происходило так неожиданно, резко и чудовищно открыто. Пару дней назад, когда Вероника поведала мужу о своем недавнем видении (или чем ЭТО там было), о взбесившейся за окном машине, Роланд лишь рассмеялся. При чем холодно и безжалостно, будто слова его жены больше не значили для него ничего. «Ты слишком впечатлительна, милая... Слишком впечатлительна», - это все что он ответил, наполняя каждое слово серым сарказмом. После этого разговора Вероника плакала в своей комнате. Из ее глаз бежали безмолвные, тихие слезы, отражающие переживания за близкого человека, который на твоих глазах превращается в бессердечный манекен. Потом она неоднократно пыталась вразумить Роланда, убедить его, что причиной их разлада является Кристина. Что она – не просто «Плимут фурия» выпуска пятидесятых. Она – НЕЧТО БОЛЬШЕЕ, чем «Плимут фурия»... Нечто большее, чем просто машина. Но он и слушать ничего не хотел, ссылаясь на истерию жены. За его улыбкой мелькал мрак, близкий к презрению и пустоте. «В тебе играет ревность, дорогая. Гони ее от себя. Топчи ее. Бей. Души» - так он отвечал. Слова давались ему с дьявольской легкостью. Это был не тот Ролли, что однажды приехал со службы домой и впервые обнял дочь с переполняющей его глаза любовью и радостью. Это был не тот Ролли, что порой вспоминал свою военную жизнь с подлинным презрением и готовностью в любой момент вернуться назад и поубивать всех, кто остался там служить после его ухода. Да черт побери – это даже был не тот Ролли, который в порыве пьяного гнева пару раз приставлял к горлу жены нож, а затем плакал, умоляя ее о прощении. Это был абсолютно другой человек, который все еще продолжал меняться.

В тот вечер, когда он вернулся из затянувшейся вечерней поездки, и Вероника лицемерила его внешний вид, она окончательно укрепила во мнении, что дело в Кристине. От машины надо избавиться – продать ее, сжечь, разбить... Одним словом, сделать все, чтобы та не стояла в гараже. И сделать это надо до тех пор, пока она превратит Роланда в то... во что она вознамерилась его превратить (если не превратила уже). Рони поняла, что в одиночку ей с мужем и Кристиной не справиться, и она решила подождать приезда Марсии, а потом наедине все ей объяснить.

В пятницу, 27 сентября, Вероника долго не могла заставить себя сесть в «Плимут», чтобы ехать с Роландом встречать Марсию, и это нервировало Лебэя. Он все с тем же диким взглядом кричал на жену и говорил ей, чтобы она, в конце концов, перестала строить из себя черт знает кого, иначе это приведет к печальному финалу их отношений. Очень печальному... Рони в жизни не было так страшно, как теперь. Она допускала, что пейзаж за кухонным окном мог ей привидеться, но причиной таким стойким галлюцинациям должен был послужить какой-то предшествующий фактор. Тот, что мог оказать влияние на психику, центральную нервную систему мозга. Наркотики Рони никогда не употребляла. Какими-либо психическими расстройствами она не страдала

отродясь. Со здоровьем были проблемы лишь в детстве, когда, будучи школьницей младших классов, она отравилась грибами вместе с шестью другими учениками и ученицами. Тогда она едва не умерла. Однако с тех пор прошла целая вечность – с того дня, когда ее еле откачали в больнице, а затем через полторы недели она выздоровела. Остается одно – то, что происходило за окном, было настоящим. Как бы чертовски нелепо это ни звучало. «Третий лишний», именно так она шептала – эта краснобокая сука. А это означает, что находиться вблизи машины одной значит подвергать себя смертельному риску. Но в присутствии Ролли она не посмеет?.. Скорее всего – нет.

Рита сидела на заднем сиденье «Плимута» и жевала гамбургер из пакета с пищей, что был заготовлен в дорогу. Рони взглянула на дочку и вздрогнула. Она не заметила, когда муж успел усадить ребенка в машину, но в этот самый момент ее чувства к Роланду вдруг превратились в закипающую неприятную жидкость, что постепенно стала заполнять жилы. Ее ненависть к эгоистичной половине мужа больше не могла скрываться где-то внутри, за потаенной дверцей – она выплеснулась наружу, обжигая сознание, словно магма. Он всегда все делал по-своему. Практически никогда не считался с ее мнением. Забывал о том, что означает разделять свою жизнь с близким человеком и что собой представляет истинная любовь. Но она привыкла к этому. Привыкла выносить обиды, оскорбления и даже унижения. Когда же дело доходит до впутывания маленького ребенка в свои проблемы – это ничто иное, как верх эгоцентризма и подлости. Увидев личико Риты за стеклом «Кадиллака», – открытое, приятное, по-детски наивное и немного грустное, Рони почувствовала себя на краю пропасти. Ее сердце сжалось от осознания того, что, возможно, ей больше не устоять на земле. Что-то злое и сильное все ближе притягивало ее к этой бездне, в которую она вот-вот должна была сорваться. Она старалась приложить все усилия, чтобы оставаться на твердой поверхности. Однако это балансирование долго продолжаться не смогло бы. Роланд никогда не был идеальным мужем, но что-то темное и могучее, насильно опутавшее его сердце своей паутиной теперь, пыталось окончательно убить в нем все человеческое. Вероника кинулась к машине, чтобы забрать оттуда дочь, а затем решительно заявить мужу, что никуда она с ним не едет, и он может катиться со своей Кристиной куда подальше. На реакцию мужа ей теперь было глубоко наплевать. Приблизившись к транспорту, она резко потянула ручку двери, однако та не поддавалась. Рони попробовала еще раз, потом еще... Безрезультатно. Внутри тела что-то резко оборвалось точно также как тогда, перед пейзажем за окном. Сердце заколотилось, словно безумное. На лице женщины появился долгий испуг. Она взглянула на девочку, и кровь отлила от ее лица. Она поняла, что с ее дочерью что-то происходит – что-то страшное и необратимое. Рита глядела из-за стекла округлившимися глазами с застывшим в них испуганным взглядом. Своими маленькими пухленькими ручками она беспомощно держалась за горло. На ее коленях, обтянутых комбинезоном, лежал съеденный наполовину гамбургер. Девочка задыхалась. Очевидно, в ее легкие попал кусок мяса. Ее грудь стала судорожно сжиматься. Из глаз потекли слезы. Губы синели с чудовищной быстротой. Глаза расширились до предела, затем закатились. Она пыталась кашлять, но у нее не получалось.

Рони с силой рвала на себя дверь, стучала по ней кулаками, пинала ее туфлей. Она кричала, бесконечно произнося имя дочурки. Затем стала звать Роланда, который задерживался в доме. Она чувствовала к нему ненависть. Готова была его убить...

Роланд вышел из дома и, увидев, что происходит с его женой, тут же бросился к ней. Она сидела на корточках в старых джинсах с перепачканными свежей землей коленями, сжав в кулаки ладони, и плакала, прислонившись спиной к двери машины. Лебэй встревоженно глянул в окно кабины и увидел дочку. Та лежала на спине на заднем сиденье, обитом красной кожей. Девочка была мертва. Ее правая рука беспомощно свесилась к полу, другая приникла к груди. Глаза были закрыты. На побелевшем лице застыло

непоколебимое спокойствие. Собранные в большой хвост золотисто-каштановые волосы распластались под шеей.

- Она убила ее. – Вероника всхлипывала после каждого слова. Ее голос был утомленным и полным горечи. – Она отняла у нас ребенка.

- Гамбургер... Она просто им подавилась. – Холодно парировал Лебэй, очевидно наткнувшись глазами на то, что привело к трагедии. Ровность его тона напоминала говор синоптика, сообщающего о том, что назавтра предвидится дождь.

- Эта твоя вина. Эта тварь... Она стала твоей любовницей. Твоей новой семьей. И углядела в твоей старой семье соперниц. Она хочет, чтобы ты принадлежал лишь ей – ей, и никому другому. Но она погубит тебя. Она убивает тебя, Роланд. Пока что не физически, но это лишь вопрос времени...

- Ты мелешь какую-то чепуху – я тебе еще раз говорю. – Роланд, казалось, взорвался. – Рита – всего лишь ребенок. Ребенок, которому ничего не стоит подвергнуть свою жизнь опасности – пусть даже таким незамысловатым способом, как принятие пищи.

Он посмотрел ясным и упрекающим взглядом, от которого Веронике стало не по себе, а затем повернулся и попытался открыть дверь. У него ничего не вышло. Замки на машине были по-прежнему заперты.

- Это еще что?..

Но он знал ответ. Может быть, догадывался... Нет, не догадывался. Он знал.

ЗНАЛ.

- Она убила мою дочь! – Вероника вновь зарыдала.

Марсия Лебэй была привлекательной сорокалетней женщиной с западными манерами прагматика и умеренным темпераментом. Она преподавала в университете историю и очень любила путешествовать, хотя с ее работой ей это удавалось редко. Когда она вошла в дом брата и его жены, то сразу же поняла, что их брак на грани полного развала. Но о том, что еще пару недель назад все было в порядке, не догадывалась и ни за что бы не поверила, что за такой короткий срок все могло так измениться. Всю дорогу от городского вокзала до дома Роланд вел с сестрой разговоры на разные темы, но о смерти Риты поведал лишь по прибытии домой. Ошарашенная Марсия едва не лишилась чувств. Она прижала к себе заплаканную и обессиленную Веронику и рыдала целый час, чувствуя невосполнимое опустошение внутри. Лишь потом, немного успокоившись, она попыталась взять себя в руки, ощущая, как разум заполнился тяжелым звенящим туманом, и поехала в морг, чтобы увидеть племянницу.

Поначалу, когда Роланд рассказывал о зловещем куске гамбургера, попавшем маленькой девочке не в то горло, Рони молчала. Она сидела в гостиной и почти ничего не говорила, лишь изредка печально поглядывая на мужа и его сестру. Однако позже, когда Роланд уехал на работу (Марсия против своей воли отметила, что он относится слишком уж безэмоционально и гладко ко всему, что происходит в его семье), у Вероники опять случилась истерика. Вновь прижавшая ее к себе Марсия услышала историю настолько невероятную и умопомрачительную, что сначала всерьез решила, что Рони окончательно сдала позиции, а ее психика просто не выдержала всего этого напора событий.

- Послушай, Ролли, неужели после того, что произошло с твоей дочерью, ты собираешься оставить машину у себя?

Лебэй удивленно и колко взглянул на сестру.

- Ты хочешь, чтобы твоя жена каждый день смотрела на нее, ездила в ней? Бедная Вероника, - да она ведь в себя не придет, пока Кристина будет находиться здесь.

Взгляд Роланда ничуть не переменился. Более того, он приобрел какую-то яростную нотку. Такую, которая открыто позволяла прочесть в глазах немое восклицание: «И ты туда же! Ты тоже решила меня предать? Значит, вы заодно, подлые суки!».

- Моя дочь подавилась гамбургером. – Роланд вроде бы старался произносить слова мягко, но вместо этого они слетали с губ в сопровождении имманентной злобы. – Я не понимаю, чего все так настроены против моей машины. Произошел просто несчастный случай. Ритуля ровно настолько же и моя дочь, насколько Вероники. И я, уж поверь, не меньше вашего страдаю. Я любил ее... любил свою кроху, ее юные голубые глаза, волшебную улыбку. Ты думаешь, мне не тяжело думать о том, что больше я не смогу всем этим любоваться? Если ты действительно так считаешь, то ты просто эгоистка, черт тебя дер! Но избавляться от транспорта только из-за того, что у него заклинило запорную систему – это, извини, дурость. Уж не хочешь ли ты сказать, что я должен облить бензином «Кадиллак» и сжечь его только потому...

- В нем погиб близкий тебе человек! – Марсия закричала. Из ее глаз побежали слезы. – В нем погиб близкий тебе человек. – Словно эхо повторила она тихо, а затем добавила: - Что с тобой происходит, брат? Ведь я знаю тебя как облупленного. Ты вновь стал таким же, каким был в юности. В тебе вновь ожили жестокость и злоба. Я думала, ты давным – давно избавился от них раз и навсегда. Но я ошиблась – тебе вновь стало наплевать на всех, кроме себя и твоих меркантильных интересов. Тебя ничуть не трогают страдания собственной жены и гибель твоей девочки. Ты все тот же, несмотря на то, что прошло столько лет. Ты все тот же...

Наступила пауза. Наконец-то каменный, самоуверенный взгляд Роланда удалось немного смягчить. Хотя его бледное лицо и не покрыл легкий румянец стыда, все равно чувствовалось, что в его голове зашевелились мысли, вроде бы сдвинувшие его с мертвой точки. Все больше затягиваясь в пучину неловкости, он долго ничего не говорил. Затем развернулся, собираясь покинуть зал.

- Ты говоришь, что все, что происходит вокруг автомобиля – всего лишь совпадения? Как же тогда объяснить свет, заполнивший кабину, когда твоей жене не удалось достать оттуда вашего ребенка? А постоянное защелкивание замков дверей при приближении посторонних – всех, кроме тебя, Ролли? А радио – оно ловит лишь одну волну – ту, где постоянно исполняются песни, так или иначе затрагивающие автомобильные темы. Роланд задержался у двери. Он вновь повернулся к Марсии.

- Вероника все рассказала. В деталях. И, знаешь, у меня просто нет оснований, чтобы не верить ей. Она не сумасшедшая – просто напугана до смерти.

Роланд вышел.

Рони проснулась среди ночи. Большими глотками набирая в легкие комнатный воздух, она все еще видела в ночном полумраке беззащитное и печальное личико Риты, глядящее полными мольбы голубыми глазами... Затем изображение растаяло, когда остатки сна улетучились, уступая место яви. Женщина ощущала покрывший ее тело холодный пот. Липкий и назойливый. Некоторое время она неподвижно сидела на постели, терпеливо ожидая, когда ее мысли придут в порядок. Ей почудилось, что все события – покупка «Плимута», «пейзаж» за кухонным окном, ситуация с Роландом, гибель Риты – все это

лишь события ее кошмара, приснившегося только что. Долгого и мучительного. Яркого и живого. Она хотела в это верить и верила до последнего. Даже поднялась и накинула халат с твердым намерением выйти на улицу и посмотреть, действительно ли Кристина находится в их гараже. А затем войти в спальню Риты и убедиться в ее безопасности...

Но вдруг ей стало плохо и душно. Появилось ощущение предобморочного состояния, и она против своей воли опять опустилась на расправленную постель. Ее руки отвратительно подрагивали. Сердце гулко стучало – стучало от осознания того, что ее жизнь превратилась в страх... Страх гудел бесконечным ветром в ее ушах, пульсировал в жилах вместе с кровью. Страх – он теперь будет жить в ней вечно; будет пожирать ее, словно вирус, быстро и стремительно превращая в бесформенную массу... В мертвую бесформенную массу. Страх – это не болезнь. Это нечто намного отвратительнее любого недуга. Но можно ли с ним бороться? По крайней мере, ПОПЫТАТЬСЯ его убить, избавиться от него?

Внезапно желание выйти к гаражу возросло с новой силой – однако не затем, чтобы просто посмотреть на автомобиль...

Вероника знала, что в старой полуразрушенной пристройке за домом муж хранит пару канистр с бензином. Именно с этой мыслью она оделась, а затем спустилась по лестнице на первый этаж. Марсия отдыхала в другой спальне на втором этаже. Осторожно миновав гостиную со спящим на большом уютном диване Роландом – они уже не разделяли с ним их общую постель, – женщина прошла на кухню и взяла спички с полки на стене.

Прохладный ветерок осторожно касался ее волнистых, мягким шелком лежащих на плечи волос, которые обрамляли фальшиво – спокойное лицо. Чуть различимое дыхание, слегка подрагивало, порождая что-то, вроде безмолвных всхлипов. Щеки пылали холодным огнем, который все больше возбуждал отчаянное желание совершить то, что было задумано. Вероника щелкнула кнопку выключателя над гаражом. – загорелась лампочка, освещающая все близлежащее пространство. Затем она отшагнула влево и подняла единственное препятствие, отгораживающее ее от заклятого врага. Дверь гаража легко поддалась, и Вероника воззрилась на стальную морду зверя, съедаемого полумраком крохотного помещения. Чудовище сейчас казалось дремлющим, хотя Рони в тот момент была готова ко всему. Ни на секунду не отводя глаз от машины, она осторожно, будто боясь потревожить врага, пригнулась и принялась откручивать крышку небольшой пластмассовой емкости.

- Что ты здесь делаешь? – внезапно раздался холодный, знакомый до боли и в то же время абсолютно чужой, голос. Вероника резко выпрямилась и обернулась.

В ледяных, злых глазах Роланда сейчас, казалось, отражалась сама ночь. Лицо напрочь утратило способность к человеческой жизни и походило на белый мертвый череп с большими черными глазницами. Глядя теперь на мужа, Рони просто не могла ничего сказать, словно в один миг забыла все слова на свете. Ее колени забила крупная дрожь.

- Я задал вопрос. – Тот же тон – серый и безжизненный. Губы презренно шевельнулись, словно на язык попало что-то невкусное. Несмотря на то, что муж медленно приближался, Рони оставалась на месте, чуть касаясь пальцами своих потертых джинс. Ее немного потрепанные волосы и воротник домашней белой кофты шевелил ветер.

- Это... следовало сделать давно. – Она попыталась ответить с тем же льдом, что стал неотъемлемой частью говора ее мужа, но у нее это получилось скорее жалобно.

Теперь глаза Роланда с застывшим пристальным взглядом были близко и смотрели в упор. Его лицо – восковая маска. Взгляд – пожирающая пасть безумия. Даже его дыхание

изменилось, превратившись во что-то горькое и бездонно сырое. Она покорно ожидала, что сейчас он ударит ее по лицу или схватит за горло и начнет душить. Но он лишь мягко положил руку ей на плечо и прошептал:

- Третий лишний, милая. Ты это знаешь; тебе придется с этим смириться. Придется...

Затем он улыбнулся, и от этой улыбки у Рони к горлу подступили слезы. Ведь эта улыбка была единственным, что осталось от прежнего Ролли. Слово последний огонек их воспоминаний вспыхнул, но лишь затем, чтобы растаять... навсегда. Перед тем, как он исчез, мужчина прижал женщину к себе, будто стараясь удержать ее из последних сил. Потом нежно коснулся ее губ своими.

Не успела она опомниться, как резкий толчок заставил ее повалиться назад, на отходящую от гаража широкую тропинку и больно удариться правым плечом о землю. В ту же секунду сильные лучи мощных двойных фар пронизывают ее, словно насекомое на стекле...

Визг.

Визг бешено трущихся покрышек колес о бетон вот-вот заставит лопнуть барабанные перепонки. Кристина пулей вылетает из гаража прямо на едва успевшую вскочить на ноги Веронику...

Кристина возвращается. Она медленно задним ходом двигается к гаражу. Ее габаритные огни поблескивают в серой осенней мгле. Она останавливается возле Роланда. По ее ветровому стеклу растекается огромное густое темно-красное неравномерное пятно. Потечи стекают вниз, проникают под капот. Роланд открывает дверцу пассажира, отодвигает переднее сиденье, затем идет к краю дорожки, где лежит мертвое женское тело. Не прилагая особых усилий, не спеша, он волочит Веронику по земле к машине. Затем оставляет ее, возвращается к салону и немного отодвигает труп Марсии, покоящийся на обитом красной кожей заднем сидении. Таким образом он освобождает место для жены... Через некоторое время он пододвигает пассажирское сиденье на место, закрывает дверь. Садится за руль «Плимута», загоняет транспорт в гараж. Фары Кристины медленно гаснут.

Конкурс "Фэнфики по произведениям Стивена Кинга 2008"
Организаторы: сайты "Стивен Кинг.ру – Творчество Стивена Кинга" – <http://www.stephenking.ru/>
"Стивен Кинг. Королевский Клуб" – <http://www.kingclub.ru/>
и "Stephen King Russian Site – Русский сайт Стивена Кинга" – <http://stking.narod.ru/>.